

Кто из нас не смотрел веселый музыкальный фильм «Мы из джаза», увлекательно рассказавший историю возникновения этого музыкального направления в нашей стране! Но мало кто знает, что ряд эпизодов авторы фильма не выдумали, а взяли из жизни... одного из основателей советского джаза Александра Владимировича Варламова — великолепного музыканта и композитора. Человека, познавшего за свою долгую жизнь и радость творческого успеха, и тяжкие, несправедливые удары судьбы.

— Для начала, вас, наверное, интересуют мои «анкетные» данные. Родился я 18 июля 1904 года в Симбирске. Предки у меня были музыкальные. Прадед — тоже Александр Варламов — известен как автор музыки популярных в прошлом века песен и романсов: «Красный сарафан», «Вдоль по улице метелица метет», «На заре ты ее не буди» и многих других. Мать была оперной певицей. Отец был одноклассником Владимира Ульянова. Они дружили до тех пор, пока Владимир Ильич не уехал учиться в Казанский университет. Да и после этого часто встречались. В Ульяновском краеведческом музее есть много фотографий и материалов того периода.

Игре на фортепиано учился я в частной детской музыкальной школе. В 16 лет увлекся сценой. Участвовал в любительских постановках театральной студии в Иркутске, где мы после смерти отца жили с матерью.

А потом приехал в Москву и поступил в Государственные высшие театральные мастерские на актерский факультет, по классу Мейерхольда. Учился вместе с такими замечательными в будущем актерами, как Свердлов, Гарин, Охлопков. Играл в спектаклях, снимался в фильмах. И подрабатывал тапером в кинотеатре «Форум», что на Садовом кольце. По три-четыре сеанса кряду. Там, как говорится, и «набил руку».

— А как получилось, что вы Мельпоме-не предпочли Эвтерпу?

Театр сменил на музыку? Да почти случайно. Снимался в Ялте в «немом» фильме. Целый год снимали или даже больше. А мои друзья постоянно «подуживали»: «Слушай, что ты тут будешь с приклеенной бородой на песке валяться, ждать, когда солнце выглянет. Бросай это дело. Ты же музыкант, здорово импровизируешь. Тебе музыку надо сочинять». Один из них занялся со мной теорией музыки.

Когда кинематографические работы были наконец завершены, я вернулся в Москву и поступил в частное училище Гнесиных. Это уже потом оно стало Государственным имени Гнесиных. Сестры Гнесины были прекрасными пианистками, ездили с гастролями по всей России. Брат их, Михаил Фабиянович

Гнесин, — изумительный педагог и композитор (был учеником Римского-Корсакова) — преподавал нам композицию. По классу оркестровки я занимался у прекрасного музыканта Дмитрия Романовича Рогаль-Левницкого.

— А как возникло увлечение джазом? — Опять сыграл роль случай. Как-то друзья затащили меня на просмотр американского фильма «Король джаза» с участием ряда знаменитых музыкантов. Если не ошибаюсь, сам Гершвин играл «Голубую рапсодию». Впечатление было колоссальное. В общем, я «заболел» джазом.

«Он из джаза»

ИСПОЛНИЛОСЬ 85 ЛЕТ А. В. ВАРЛАМОВУ

— А как восприняли это в училище? В кинофильме, помнится, требовали исключить новоявленного «джазмена» из комсомола.

— Нет, гонения на джаз начались гораздо позже — после войны. В тридцатые же годы газеты писали: «Джаз — машина бодрости. Буквально вентилируешь усталые за день мозги, получив порцию джаза. Учащенный синкопический ритм и темп соответствует бурным, стремительным темпам нашей жизни». Да и преподаватели наши были людьми прогрессивными, не замыкались в «академической скорлупе». С Рогаль-Левницким мы посещали выступления известных негритянских джазовых музыкантов, гастролировавших у нас в то время. Гнесин, услышав мое первое джазовое сочинение, помнится, сказал: «Дело совсем не в том, как называют это искусство — маленькое, легкое, несерьезное. Меня привлекает в том, что вы делаете, настоящее мастерство — и в форме, и в языке музыки».

— И начался новый этап в вашей жизни...

— Я собрал небольшой оркестр из профессиональных музыкантов — любителей джаза. За год мы подготовили программу и стали выступать с ней в парке ЦДКА.

Ежегодно 20 мая в Москве открывался летний сезон. Было несколько концертных площадок. В саду «Эрмитаж» иг-

рал оркестр Утесова (или какой-нибудь зарубежный ансамбль), в Саду им. Баумана — джаз-ансамбль под управлением Бориса Ренского. Наш коллектив пригласили в концертную организацию при театре Красной Армии. После этого мы поехали на гастроли по городам страны. Было это в 1934 году. Но до этого наш ансамбль «приобрел» солистку — известную негритянскую певицу Целестину Коол...

Как-то случайно мы узнали, что в Москву для учебы в консерватории должна приехать из США известная негритянская певица Целестина Коол. Наш администратор Феликс Данилевич «загорелся» идеей заполучить ее к нам в ансамбль. «Это будет фурор, это будет сенсация!» — приговаривал он. Развил бурную деятельность. Через американское посольство проследил весь путь певицы от Нью-Йорка до Москвы. И вот мы, прихватив с собой переводчицу, едем на вокзал встречать поезд из Ленинграда. Один состав прибыл, второй... Нет Целестины. Наконец из третьего выносят гору чемоданов, а за ними выходит Целестина. Мы, правда, были не во фраках (это уже в фильме для пушшего комизма придумано). Стали уговаривать ее с нами подружиться. Привезли в гостиницу театра Красной Армии. Но вот беда — Целестина категорически отказывается петь в джазе, так как, по ее мнению, белые будут эксплуатировать ее негритянский талант. Твердит: «Ноу, ноу, ноу!». Как быть?

Тогда находчивый Данилевич принес откуда-то плакат «Дружба народов»: взялись за руки китаец, негр и белый. Показываем на картинку и уговариваем: «Дружба, братство, интернационализм. У нас не Америка Советский джаз — это не буржуазное мероприятие. Вы будете работать в системе театра Красной Армии — армии победившего пролетариата. Мы обеспечим вас лучшими преподавателями, спецпайком и т. п.». Еле уговорили.

На следующий день встречаемся с ней, чтобы подобрать репертуар. Спрашиваем: «Целестина, что бы вы хотели петь?» — «О, я буду петь «Очи черные» Верги гуд сонг...». Мы схватились за головы. Она ненормальная! Всех нас «под монастырь» подведет. (Ведь тогда спеть «Очи черные» — это почти что «Боже, царя храни»). Мы говорим: «Это невозможно. Эта песня запрещена». Она никак не могла понять, что значит «запрещена». — «Разве можно песню запретить? «Очи черные» — это ведь русская народная песня. Любой оркестр в Америке ее играет. Пластинки по всему миру разошлись. Почему же такая мощная армия такого победившего пролетариата боится такой прекрасной народной песни?». Кое-как объяснили ей всю, так сказать, щекотливость создавшейся ситуации.

Злодейка-судьба жестоко обошлась через несколько лет с Целестиной Коол. Как, впрочем, и со многими из нас. Но тогда, в 34-м, мы об этом, конечно, знать не могли...

(Окончание в следующем выпуске «Скрипичного ключа»).

Игорь МАКАРОВ.

НА СНИМКЕ: А. В. Варламов.

Фото автора.

— Не этот ли эпизод был воссоздан в кинофильме? Роль негритянской певицы сыграла обаятельная Лариса Долина.

— С известной долей художественного домысла — да. С режиссером фильма Шахназаровым мы неоднократно беседовали до съемок, и кое-что, конечно, вошло в картину. Встречу с Целестиной Коол всегда вспоминаю с большим удовольствием. Это была целая эпопея.